

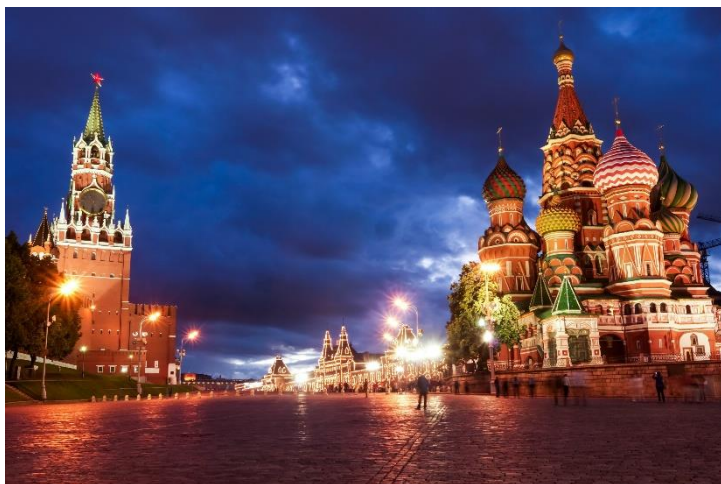
Часть 4. МОСКВА В ТВОРЧЕСТВЕ МИХАИЛА ЮРЬЕВИЧА ЛЕРМОНТОВА. «МОСКВА, МОСКВА! ...ЛЮБЛЮ ТЕБЯ КАК СЫН, КАК РУССКИЙ...»

210-летию М.Ю.Лермонтова посвящается.

Автор: Наталья Морсова

В сентябре 2023 года Москва отметила 876-летие первого упоминания в Ипатьевской летописи в 1147 году. Дата внушительная – напоминание нам о далёкой старине, о глубоких исторических и культурных корнях, о славных традициях московской Руси, когда Юрий Долгорукий - князь ростово-суздальский, а затем и московский (1090–1157), принялся строить город в излучине рек Неглинная, Яуза и Москва-река, слободы и посады по берегам Оки, Клязьмы, Пахры и Сетуни. Пригласил он в гости своего союзника – новгород-северского князя Святослава Ольговича прибыть к нему в новые земли поохотиться с пардусом (гепардом) на диких зверей в богатых московских лесах.

В связи с этой важной исторической датой нельзя пройти мимо другого значимого события в русской культуре - 210-летия Михаила Юрьевича Лермонтова, юбилей которого мы будем праздновать в 2024 году. Великий русский поэт «сильно, пламенно и нежно» любил древнюю столицу Руси. На пятки «фамусовской» Москвы наступал молодой, бурлящий событиями Петербург, но Лермонтов безмерно восхищался размеренной неспешностью и уходящими в глубь веков порядками старой Москвы. С Москвой связаны романтические волнения его пылкой юности.

*Москва, Москва!.. Люблю тебя как сын,
Как русский, – сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думал чуждый властелин
С тобой, столетним русским великаном,
Померяться главою и – обманом
Тебя низвергнуть. Тщетно поражал*

*Тебя пришлец: ты вздрогнул – он упал!
Вселенная замолкла... Величавый,
Один ты жив, наследник нашей славы.*

М.Ю. Лермонтов. Из поэмы «Сашка». 1839г.

В Москве у Красных ворот в доме отставного капитана, небогатого дворянина Юрия Лермонтова, родился мальчик Миша, которому суждено было стать одним из лучших в русской литературе. Здание это не сохранилось, на месте его построили сталинскую высотку, а площадь в 1941 году переименовали в Лермонтовскую.

Памятник поэта украшают рельефы на темы поэм «Мцыри», «Демон» и стихотворения «Парус». На пьедестале строки: «Москва, Москва!.. Люблю тебя, как сын, как русский, - сильно, пламенно и нежно». Скульптура Лермонтова оказалась персонажем советского фильма «Джентльмены удачи» Виктории Токаревой и Георгия Данелии. «Кто ж его посадит? Он же памятник!» — говорит герой Савелия Крамарова про «мужика в пиджаке».

Часть московского периода Михаил Юрьевич жил с бабушкой Елизаветой Алексеевной Арсеньевой на Поварской, а с 1829 по 1832 годы на улице Малая Молчановка, 2, где теперь расположен музей М.Ю. Лермонтова. Когда

строился Калининский проспект, дом с мезонином едва спасли. Московская общественность отстояла последнюю деревянную постройку, затерявшуюся в арбатских переулках. Как замечательно, что удалось сохранить детское гнездышко поэта, как напоминание нам о том, что корневую систему культуры надо беречь, чтобы родовое историческое дерево русского народа крепко стояло на ногах и противостояло ураганам и штормам.

В эти ранние годы юноша начал писать стихи. Бабушка заметила уникальные способности мальчика и усиленно готовила его к поступлению в Благородный пансион, - престижный пансион в своё время заканчивали Жуковский, Карамзин, Чаадаев. Она приглашала к внуку мастеров живописи, музыки, стихосложения, учителей - француза, англичанина, известного преподавателя русского и латинского языков.

Бабушка понимала, что своей самозабвенной, чрезмерной любовью она балует, портит своего Мишеньку – единственную драгоценность, но прощала сама себя за эти слабости. В пансионе Михаил получил первый приз за успехи в сочинительстве и истории.

В музее Лермонтова на письменном столе лежит учебник по математике с надписью, сделанной рукой Михаила; математика – увлечение всей его жизни; в гостиной - подшивка газеты «Северная пчела», где упоминается старинный род Столыпиных. Стены украшены акварелями и живописными работами - детскими портретами Михаила неизвестных мастеров, его матери, бабушки, отца, родственников, его кумиров – Пушкина и Байрона, автопортрет, авторские пейзажи Кавказа.

Обращает на себя внимание работа – образ Мадонны, но это портрет монахини - героини его первой драмы «Эмилия». В годы творческого становления состоялась его дружба с детьми известных дворян Лопухиных, потомков старинного рода. На шестнадцатом году жизни юноша влюбился в Вареньку Лопухину; озорная, любознательная, прехорошенькая девушка стала первой и главной его любовью. Здесь написано более тридцати юношеских стихотворений, многие из них посвящены любимой.

*У ног других не забывал
Я взор твоих очей;
Любя других, я лишь страдал
Любовью прежних дней;
Так память, демон-властелин,
Всё будит старину,
И я твержу один, один:
Люблю, люблю одну!*

*Расстались мы, но твой портрет
Я на груди своей храню:
Как бледный призрак лучших лет,
Он душу радует мою.
И, новым преданный страстям,
Я разлюбить его не мог:
Так храм оставленный - всё храм,
Кумир поверженный - всё бог!*

Михаил Лермонтов 1832.

В этом доме бывала Екатерина Сушкова, с которой у Михаила складывались непростые отношения, и к ней обращена его любовная лирика. (об этом см. в части 2.) Когда-то сильно обиженная Михаилом Юрьевичем, Екатерина Александровна Сушкова оставила воспоминания: - «У Сашеньки встречала я в это время ее двоюродного брата, неуклюжего, косолапого мальчика лет шестнадцати или семнадцати, с красными, но умными, выразительными глазами, со вздернутым носом и язвительно-насмешливой улыбкой». Или: - Когда из вас выйдет настоящий поэт... тогда я с наслаждением буду вспоминать, что ваши первые вдохновения были посвящены мне, а теперь, Monsieur Michel, пишите, но пока для себя одного», - писала девушка юному поэту.

Андрей Александрович Краевский, друг и литературный душеприказчик, издатель и педагог сохранил для потомков рукописи поэта, теперь хранящиеся в музее, те, которые издавал в своём журнале «Отечественные записки», например стихотворение «Бородино», мало того, он участвовал в распространении стихотворения «На смерть поэта». Некоторые предметы разыскал для музея советский писатель Ираклий Андронников.

На Маховой Лермонтов обучался в Московском университете, который основал в 1755 году первый русский академик, ученый-энциклопедист Михаил Васильевич Ломоносов, где юноша прослыл не только успешным студентом и хорошим поэтом, но и задирой, он не раз конфликтовал с товарищами по учёбе и с педагогами, за что и был отчислен, о чём мы узнаём из воспоминаний его сокурсников Александра Герцена и Виссариона Белинского, ставшими в будущем литературными критиками и публицистами. Конфликт вспыльчивого Лермонтова с профессором словесности разгорелся у всех на глазах. Белинский вспоминает, что профессор сделал студенту замечание в том, что тот отвечает вовсе не то, о чём педагог рассказывает на занятиях. На что Михаил дерзко ответил: «Того, что я сейчас говорил, вы нам не читали и не могли передавать... Я пользуюсь источниками из своей собственной библиотеки». Почему так случилось? - Михаил читал домашнее задание в подлиннике. Ученик знал больше, чем его учитель.

Большую Дмитровку тоже можно считать памятным местом - Лермонтов посещал Благородное Дворянское собрание. Однажды во время рождественских праздников он появился в костюме астролога - нарядился в

бумажный макет книги, украшенной замысловатыми египетскими иероглифами, и всем предсказывал будущее, от чего гости пришли в восторг.

Михаил Юрьевич не раз бывал в Большом театре, особенно в те дни, когда играл Михаил Щепкин - после смерти опального поэта актёр добивался постановки «Маскарада», но безуспешно.

В московском особняке отставного дипломата Дмитрия Свербеева собирался цвет дворянского общества: Василий Жуковский, Иван Крылов, Петр Чаадаев, Александр Пушкин. В этом гостеприимном доме Лермонтову устроили тёплую встречу.

Однажды в доме Базилевских на Тверском бульваре Лермонтов среди гостей увидел свою любимую, уже замужнюю Варвару Александровну Лопухину - Бахметьеву с ребёнком. Она стала первой читательницей рукописи «Демон», - ведь «Демон» именно ей и был посвящён. Романтические чувства его вспыхнули вновь. Поэт восторженно пишет:

*О грезах юности томим воспоминаньем,
С отрадой тайною и тайным содроганьем,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю...
О, если б знало ты, как я тебя люблю!*

На Девичьем поле в т.н. «избушке» издателя, историка, собирателя редкостей Михаила Погодина, теперь это Погодинская улица в Лужниках, в 1840 году хлебосольный хозяин давал обед в честь именин Николая Васильевича Гоголя, который жил тогда в его доме. Приехал на праздник и Михаил Юрьевич, он заработал восторженные возгласы слушателей после прочтения поэмы «Мцыри». Вскоре Гоголь пригласил молодого поэта в дом на Никитском бульваре, где с замиранием сердца слушал его «Демона».

Мятежный Мцыри наделал много шума в обеих столицах, все поняли, что Мцыри - это Лермонтов, упрекающий судьбу за душевное одиночество; он молод, жаждет жизни и любви, но, выросший без отца и матери, «на засохшем пеньке», он томится постоянной тоской. Только природа понимает юношу, и только небесный ангел указывает ему путь. В грозе он видит родственную душу: - «как брат, /Обняться с бурей был бы рад», и ловит молнию рукой. Бежит, бежит инок, ищет родных, но везде чужой. Жажда битвы, преодолений, достижений разгорается в его душе, он сражается с могучим барсом, кровавые раны ноют на его груди, и он побеждает. Но неумолимый рок ведёт победителя обратно за каменные стены, он вновь в неволе, душа опять в заточении: - «На мне печать свою тюрьма/
Оставила...». Истощённый, ожидающий смерти, он исповедуется. Приступ отчаяния сменяется предсмертным бредом, и кажется, что он падает на дно морское, где «холод и покой». И лишь печалится о том, что тело останется на чужбине, да муки его неведомы людям. Мысли о родной стране успокаивают несчастного: - «с этой мыслью я засну,/И никого не прокляну!...». Так заканчивает поэма. Какая беспощадная судьба! Какая безысходность! И

какая могучая сила лермонтовского слова! Ну, чем не провидение, чем не исповедь самого Михаила Юрьевича? - И жизнь прошла в душевном плену, и тело погребли на чужбине, и муки остались непонятыми.

Через двадцать – двадцать пять лет после гибели Лермонтова и смерти императора Николая I запрет на упоминание имени крамольного поэта стал постепенно забываться, появились первые мемуары – воспоминания его современников, короткие и сдержанные, с оглядкой на цензуру. Как вспоминает Аким Шан – Гирей, родственник Михаила Юрьевича: - «Когда в пятилетнем возрасте бабушка привезла его в Москву и сводила на фантастическую оперу Кавоса «Князь-невидимка», постановка поразила его воображение, и он на всю жизнь всерьез увлекся театром. В период учебы в пансионе он затеял со своими товарищами театр марионеток, лепил из воска кукол. Может, и стал бы великим русским драматургом. Увы, его драматургические произведения не интересовали театры. Да и театральная цензура была еще более свирепая, чем литературная... Великолепный лермонтовский «Маскарад» так и не увидел сцены при жизни автора. Увидели бы его пьесы сцену, и пошла бы жизнь у Михаила Лермонтова совсем по-другому». Возможно, и так. Но жизнь шла так, как она шла.

Михаил Юрьевич не раз наездами бывал в Москве, где сбавлял темп суетливой столичной жизни. Ему нравилась грибоедовская картина московского быта в «Горе от ума» с его героями Фамусовым, Молчалиным, с чопорными светскими дамами, с надутыми спесью барышнями в лице Софьи. Он снисходительно посмеивался над размеренной жизнью дворянского общества, живущего устаревшими традициями, теперь уходящего с исторической сцены; на пятки «фамусовской» Москвы наступал прогрессивный, бурлящий событиями Петербург; отпечаток молодой, растущей столицы мы видим в образе Чацкого. Лермонтов продолжит эту тему в драме «Станный человек» и «Маскарад».

Былинный слог, будто гусли рекут, поют, играют на древней московской земле, словно раздольный напев рунопевца - сказителя Бояна растекается в «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Давайте вслушаемся в мелодию стиха: -

*Над Москвой великой, златоглавою,
Над стеной кремлевской белокаменной
Из-за дальних лесов, из-за синих гор,
По тесовым кровелькам играючи,
Тучки серые разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистые,
Умывается снегами рассыпчатыми,
Как красавица, глядя в зеркальце,
В небо чистое смотрит, улыбается.
Уж зачем ты, алая заря, просыпалась?*

*На какой ты радости разыгралася?
Как сходились, собиралися
Удалые бойцы московские
На Москву-реку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потешиться...
Вдруг толпа раздалась в обе стороны -
И выходит Степан Парамонович,
Молодой купец, удалой боец,
По прозванию Калашиников.
Поклонился прежде царю грозному,
После белому Кремлю да святым церквам,
А потом всему народу русскому, ...
Размахнулся тогда Кирибеевич
И ударил впервой купца Калашиникова,
И ударил его посередь груди —
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степан Парамонович;
На груди его широкой висел медный крест
Со святыми мощами из Киева, —
И погнулся крест и вдавился в грудь;
Как роса из-под него кровь закапала; ...
И опричник молодой застонал слегка,
Закачался, упал замертво;
Повалился он на холодный снег,
На холодный снег, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыром бору
Под смолистый под корень подрубленная.... М.Ю.Лермонтов». 1837.*

Михаил Юрьевич упоминает Москву белокаменную, - так её называют и до сих пор. Но, справедливости ради, заметим, что во времена упомянутого царя Ивана Васильевича IV (Грозного) стены Кремля давно уже красные. Белокаменными храмы и стены стали во времена московского князя Дмитрия Донского в 1366–1367 годах, который снёс пришедшие в негодность дубовые постройки Ивана Калиты и обернул Кремль белым известняком. Больше ста лет стены накрепко закрывали сердце столицы московского княжества, но постепенно «расплывались», и потому Иван III затеял переустройство и заменил рыхлый камень на обожжённый кирпич. Но кирпичные стены лишь снаружи – изнутри они стоят на укреплённых остатках стен Дмитрия Донского! И всё же Лермонтов не ошибся – в его времена кремлёвские стены были белыми. Вот как? Их белили известью.

Свою любовь к Москве поэт вложил в уста старого солдата: -

*Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,*

*Французу отдана
Ведь были ж схватки боевые.
Да, говорят, еще какие!
Не даром помнит вся Россия
Про день Бородина!»
И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
– И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой...*

Михаил Лермонтов. 1837.

Из нелюбимого Санкт-Петербурга Лермонтов пишет к М.А.Лопухиной: -

*Там жизнь грязна, пуста и молчалива,
Как плоский берег Финского залива.
Москва не то: покуда я живу,
Клянусь, друзья, не разлюбить Москву.*

Здесь же в Москве, полвека спустя, Михаил Врубель напишет иллюстрации к произведениям Лермонтова, по заказу Саввы Ивановича Мамонтова, для юбилейного издания сочинений поэта под редакцией П. П. Кончаловского. Большая часть работ относилась к поэме «Демон». И хотя в советское время критики признавали их грубыми, уродливыми и карикатурными, современные любители живописи простаивают большие очереди в Третьяковскую галерею на выставку произведений Врубеля.

Михаил Юрьевич «пламенно и нежно» любил Москву ещё и потому, что любил её безмерно обожаемый кумир - Александр Сергеевич Пушкин: -

*Москва! Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось...
Вот окружен своей дубравой
Петровский замок.
Мрачно он недавнею гордится славой.
Напрасно ждал Наполеон
Последним счастьем упоенный
Москвы коленопреклоненной
С ключами старого Кремля.
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою,
Не праздник, не приемный дар —*

*Она готовила пожар
Нетерпеливому герою...*

А.С.Пушкин. Из романа «Евгений Онегин». 1831.

Москва в их сознании ассоциировалась со всем древним, традиционно православным, она - веками устоявшаяся мать городов русских. Смело и без затей пишут классики литературы о своей русскости, о любви к России, порой, «немытой, стране рабов и господ». Об этой части их творчества не принято много говорить, да и теперь некоторым вдруг стало стыдно быть русскими. А вот потомок эфиопов Александр Сергеевич Пушкин не стыдился - гордился своей принадлежностью к русскости. «Я русский в полном смысле слова, я не встречал человека, более меня влюбленного в матушку Русь», - писал Пётр Ильич Чайковский. Считали за честь называться русскими шотландцы адмирал Грейг, Барклай де Толли и Лермонт – предок М.Ю.Лермонтова, стихопевец и воин, как и датчанин Владимир Даль. Украинцы Н.В. Гоголь и Т.Г.Шевченко без сомнения считали себя русскими.

«Люблю отчизну я, но странною любовью! Её не победит рассудок мой...», - пишет с тенью грусти и сожаления Михаил Юрьевич в стихотворении «Родина». Отправляясь во вторую ссылку, он навсегда прощается с Москвой, с друзьями пылкой юности. Обладающий удивительной интуицией, даром провидения и масштабным мышлением, он предвидел не только своё будущее, но и будущее страны, отмирание в ней патриархального уклада русской жизни, - наглядный тому пример – исторически стареющее московское общество. Предвидел он и свою скорую гибель на дуэли. Об этом он рассказал другу Петру Вяземскому перед отъездом на Кавказ.

Помнится, писатель Валентин Пикуль изрёк образное умозаключение: - когда в России едва чихнут, то вся Европа валяется в жесточайшем насморке. Что изменилось? По-прежнему влияние России на весь мир – всеобъемлющее, не смотря на то, что она всегда живёт в условиях жесточайшей изоляции. Хватит ли сил удержать на высоте могущество страны, сохранить её целостность, уберечься от «цветных» революций? Хватит ли мощи защитить завоевания наших доблестных предков? Ответ знает Москва. Стоит себе Москва златоглавая, праздничная, нарядная, величавая, во славу России, и день ото дня крепчает, мужает и хорошеет, на радость нам и вам, назло отступникам – супостатам и врагам коварным.

При написании работы использовались материалы книги из личной библиотеки автора «М.Ю.Лермонтов в воспоминаниях современников». Издана в 1964 году под редакцией М.И.Гиллельсона и В.А.Мануйлова.

Сентябрь 2023.

